

Теоретико-исторические правовые науки

Научная статья

УДК 340

doi: 10.35750/2071-8284-2023-1-10-17

Максим Викторович Бавсун

доктор юридических наук, профессор

<https://orcid.org/0000-0002-1407-2609>, kafedramvd@mail.ru

Андрей Иванович Каплунов

доктор юридических наук, профессор

<https://orcid.org/0000-0001-7298-8730>, and-kaplunov@yandex.ru

Санкт-Петербургский университет МВД России

Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1

Ирина Геннадьевна Бавсун

кандидат юридических наук

<https://orcid.org/0000-0002-8953-031X>, i.bavsun@szfrgup.ru

Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия

Российская Федерация, 197046, Санкт-Петербург, Александровский парк, д. 5

Проблемы правового регулирования общественных отношений в условиях доминирования технологических императивов

Аннотация: Актуальность настоящего исследования обусловлена возникновением новых информационных технологий, побуждающих преобразовывать характер деятельности субъектов права, менять объёмы их правоотношений, расширять горизонт будущей деятельности. Современное общество, пребывая в состоянии постоянно появляющихся и активно внедряемых технологий, уже давно столкнулось с проблемой правового регулирования возникающих в связи с этим новых общественных отношений. Вторжение технологий во все сферы деятельности человека является настолько масштабным, что не может оставить в стороне правовые аспекты. Проблемы легитимизации новых технических средств и технологий, способности права своевременно реагировать на происходящие процессы, пределы такого реагирования и сохранения при этом концептуальных основ самого права, его базовых ценностей и принципов сегодня остаются не только актуальными, но и практически нерешёнными. Есть и обратная сторона этого вопроса – сохранение тех же основ в самом обществе в условиях непрерывного процесса переработки нормативного материала. При тотальной трансформации общественных отношений в рамках всего мирового сообщества право также находится под воздействием новых концепций: постмодерна, постпостмодерна, постиндустри-

стриального общества и прочих идей, придающих ему разнонаправленное движение. В сочетании с доминированием технологических императивов его основы сегодня оказались под угрозой, а перспективы дальнейшего развития – как минимум неопределенными.

Методология: в исследовании применялись общенаучный диалектический метод и формально-логический. Это позволило определить причинные связи изменений законодательства и нового технологического уклада.

Результаты проведённого исследования показывают, что внедрение в общество новых технологий вызывает соответствующие изменения в сфере правового регулирования, которые способствуют преобразованию права в своеобразную процедуру, имеющую строго технический характер, что приведёт к утрате созидающей функции права и его базовых ценностей.

Ключевые слова: технологический императив, правовое регулирование, пределы регулирования, революция, постмодерн, разум

Для цитирования: Бавсун М. В., Каплунов А. И., Бавсун И. Г. Проблемы правового регулирования общественных отношений в условиях доминирования технологических императивов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2023. – № 1 (97). – С. 10–17; doi: 10.35750/2071-8284-2023-1-10-17.

Maksim V. Bavsun

Dr. Sci. (Jurid.), Professor

<https://orcid.org/0000-0002-1407-2609>, kafedramvd@mail.ru

Andrey I. Kaplunov

Dr. Sci. (Jurid.), Professor

<https://orcid.org/0000-0001-7298-8730>, and-kaplunov@yandex.ru

Saint Petersburg University of the MIA of Russia

1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation

Irina G. Bavsun

Cand. Sci. (Jurid.)

<https://orcid.org/0000-0002-8953-031X>, i.bavsun@szfrgup.ru

Northwestern Branch, the Russian State University of Justice

5, Aleksandrovsy Park, Saint Petersburg, 197046, Russian Federation

The problems of legal regulation of public relations in conditions of domination of technological imperatives

Abstract: The relevance of this study is due to the emergence of new information technologies that prompt to transform the nature of the activities of the subjects of law, change the scope of their legal relations, and expand the horizon of future activities. Modern society, being in a state of constantly appearing and actively implemented technologies, has long been faced with the problem of legal regulation of new social relations arising in this connection. The intrusion of technology into all spheres of human activity is of such magnitude that it cannot ignore legal aspects. The problems of legitimizing new technical means and technologies, the ability of law to respond in a timely manner to the processes taking place, the limits of such a response and the preservation of the conceptual foundations of the law itself, its basic values and principles today remain not only relevant, but practically unresolved. There is also the reverse side of this issue - the preservation of the same foundations in society itself in the conditions of a continuous process of reworking the normative material. With a total transformation of social relations within the entire world community, law is also under the influence of new concepts: postmodern, postpostmodern, postindustrial society and other ideas that give it a multidirectional movement. Combined with the dominance of technological imperatives, its foundations are now under threat, and the prospects for further development are at least uncertain.

Methodology: The study used the general scientific dialectical method and the formal-logical method. This made it possible to identify the causal links between changes in legislation and the new technological order.

The results of this study show that the introduction of new technologies into society causes corresponding changes in the sphere of legal regulation, which contributes to the transformation of law into a kind of procedure of a strictly technical nature, which will lead to the loss of the creative function of law and its basic values.

Keywords: technological imperative, legal regulation, regulation limits, revolution, postmodernity, reason

For citation: Bavsun M. V., Kaplunov A. I., Bavsun I. G. The problems of legal regulation of public relations in conditions of domination of technological imperatives // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2023. – № 1 (97). – P. 10–17; doi: 10.35750/2071-8284-2023-1-10-17.

Технократический путь развития цивилизации давно стал предметом анализа практически во всех отраслях знаний как гуманитарного, так и естественно-научных направлений. Зависимость трансформации общественных отношений от внедрения в повседневную жизнь отдельных изобретений технического свойства, как, впрочем, и от общего технологического прогресса, вряд ли вызывает какие-либо сомнения у специалистов, занимающихся данной проблематикой. На идейном уровне (что указывает на их управляемость) происходящие процессы находят соответствующее обоснование, которое, особенно в последнее десятилетие, уже не скрывается, и даже наоборот, имеет серьёзные преференции в пиар-кампании, раскручиваемой на самом высоком уровне [1]¹. Более того, именно оно всё чаще преподносится (или пытаются преподноситься) в качестве основного императива, следование которому, во-первых, неизбежно и необходимо, во-вторых, должно привести к «позитивному» итогу, очевидность которого на самом деле пока не имеет объективного подтверждения. В этом отношении совокупность идей постмодерна, постпостмодерна, некромодерна, метамодерна, биополитики, постиндустриального общества (и многого другого) и, как апофеоз всего, рождение так называемой четвертой промышленной революции представляют собой не что иное, как единый императив, определяющий общий вектор развития цивилизации. Суть его – отказ от прежних ценностей и достижений, поклонение новым идеалам, правилам, началам, критериям и, самое главное, выстраивание новой концепции развития общества, принципиально отличающейся от прежней. Апологеты нового мира характеризуют «масштаб изменений как беспрецедентный

для истории человечества. Перемены затронут всех: отношения человека с миром, с собой и с другими людьми кардинально изменятся. Четвёртая промышленная революция обладает огромным потенциалом по увеличению уровня жизни человечества, решению многих насущных проблем, однако также допускает появление новых проблемных вопросов...» [2]. Важно отметить, что научное сообщество едино в мнении относительно невозможности каких-либо прогнозов реализации декларируемых данным учением идей. «Базовым отличием этой революции от всех предыдущих является синтез и взаимодействие всех перечисленных технологий. Их развитие и внедрение связаны с неопределённостью, поэтому сегодня достаточно сложно просчитать все последствия использования технологических новшеств в жизни человека и общества» [3, с. 17].

Вполне естественно, что одним из таких проблемных вопросов является правовое регулирование общественных отношений в принципиально новых жизненных реалиях, в которых технологические императивы могут оказаться безальтернативными, не оставив конкретному индивидууму права выбора. При этом надо понимать, что такие технологические императивы не существуют сами по себе. Как, впрочем, не всегда можно чётко определить, что относится к технологическому, а что к биологическому, медицинскому, экономическому или любому иному императиву, имеющему своей целью подчинить (подавить), проконтролировать, исключить любую возможность альтернативы для человека в отдельности и человечества в целом. И если система тотального видеонаблюдения, имеющая, безусловно, изначально исключительно благие намерения, – это, собственно, технический элемент реализации общей идеи постиндустриального общества, то цифровая валюта, различные виды вирусов (коронавирус, свиной, птичий и иные виды гриппов и др.) уже представляют собой некий симбиоз технологий. Конечно, в них присутствует и в чистом виде технический элемент, но при этом он не является основным. Отсюда речь необходимо вести, как

¹ Раскрывая суть идей автора данного направления, специалисты отмечают: «Четвёртая промышленная революция принесёт коренные изменения производственных процессов. Она влечёт за собой не только технологические новации, но и смену социальной парадигмы, культурного кода. Масштабное внедрение киберфизических систем и цифровизация промышленности будут неосуществимыми без правовых преобразований и политических реформ».

представляется, о некоей совокупности, симбиозе сочетающихся между собой средств, образующих ту или иную технологию, объединенных между собой единой целью (целями) [4, с. 11]². При этом все они создают новую реальность, требующую и новых правовых средств, перестройка которых уже идёт полным ходом как в части трансформации самого подхода к их созданию, так и в разработке, последующей реализации.

Впрочем, именно взаимодействие ранее существовавших и вновь создаваемых технологий создаёт наибольшие сложности в правовом регулировании, которое в определённый момент, потеряв созидательную функцию, ушло на уровень рефлексии. В последнее время в современной юридической литературе можно встретить немало публикаций и отдельных высказываний негативного свойства, связанных с ростом нормативного материала в геометрической прогрессии [5, с. 1399–1401]. Много говорится о том, что раньше было по-другому, а жизнь человека с позиции правовых предписаний была отрегулирована ничуть не хуже, а во многом и значительно лучше. Справедливость таких высказываний сложно оспаривать. Данное направление жизнедеятельности человека в XX столетии (не говоря уже о последних десятилетиях) существенно изменилось. Вопрос лишь в том, почему? Почему законодатель вдруг ушёл на уровень детализации законодательных предписаний, значительно увеличивающих их объём, стараясь при этом зарегламентировать всё, что есть – от объективно необходимых процессов до совершенно неочевидных аспектов жизни человека? В результате реализации такого подхода мы наблюдаем даже не перестройку всей правовой системы, а лишь ее судорожные попытки хоть как-то оправдать происходящее, пытаясь найти свое место в текущих процессах. Собственно, от регулирования осталось уже не так много, что обусловлено вторичностью права по отношению к происходящим процессам. В основе архитектуры современного права позитивистского извода, пишет В. И. Красиков, находим культ разума – абстрактного, формального, обезличенного [6, с. 63]. Его оторванность от религиозных начал, норм морали и уход от традиций – неизбежный удел права в условиях доминирования технологических императивов. Между тем «разум, побеждая, оставляет за собой выжженное поле... роботизация человека становится не мифом, а реальностью» [7, с. 401].

² «Термин “технологии” здесь понимается предельно широко и включает в себя не только способы хозяйствования, но и государственное управление, воинское искусство, религиозные доктрины, средства коммуникаций, торговлю, медицину и вообще любые знания и навыки, которые могут быть использованы для спасения человека от смерти или продления его жизни. Такие знания предлагается именовать жизнеспасающими технологиями».

Дж. Р. Солл отмечает, что «непрерывная и настойчивая сосредоточенность на рациональности, зародившаяся ещё в семнадцатом веке, дала неожиданный результат. Постепенно разум начал дистанцироваться и отделять себя от других – так или иначе признанных характеристик человека: духа, инстинктивных потребностей, веры и эмоций, а также интуиции, воли и, самое главное, опыта. Это постоянное выдвигание разума на передний план продолжается и в наши дни, достигнув такой степени дисбаланса, что мифическая важность разума затмила все другие категории и едва ли не поставила под сомнение их важность» [8, с. 23–24]. На данный момент разум в праве, а в силу этого и само право, находящееся под мощным давлением императивов, оказались в состоянии осцилляции. Они постоянно испытывают давление названных выше и многих других идей, часто совершенно нетипичных ни для самого права, ни для общества, которое разнородно и реагирует на них крайне болезненно, а временами и откровенно нервно. В итоге законность уже давно обесценилась, а целесообразность полностью вышла за все возможные пределы, окончательно превратившись в неопределённость [9, с. 61]. Однако инициатива упущена не по причине самого права, а в силу изменения самой идеи управления обществом, где традиционным формам регулирования отведено не так много места. Точнее, им уготована именно та роль, которую право начинает выполнять уже сейчас, – роль наблюдателя, своевременно реагирующего на малейшие изменения в ходе реализации доминирующей идеи.

В этой части практически любая, так называемая прорывная технология оказывается для права подрывной. В данном случае речь идёт не об игре слов и вольных трактовках того, что происходит в результате появления и последующего внедрения в жизнь нового технологического императива. Применительно к экономической сфере и с учётом происходящих процессов в рамках четвертой промышленной революции англоязычные специалисты используют определение «подрывные» (disruptive) технологии. Определению перечня и ожидаемых эффектов таких технологий посвящено специальное исследование Глобального института McKinsey «Подрывные технологии: нововведения, которые преобразуют жизнь, бизнес и глобальную экономику» (2013 г.) [10, с. 8]. Следует лишь отметить, что применительно к данному направлению деятельности термин «подрывные технологии», имеющий не меньший, а может, ещё и больший императив, используется как позитивный, означающий взрывной рост того или иного направления в экономической сфере. Наиболее яркие примеры сегодня – это мобильный интернет, искусственный интеллект, облачные технологии, передовая робототехни-

ка и многие другие технологии, которые помимо упрощения экономических и социальных процессов позволили также существенно снизить их стоимость, а соответственно, и доступность³. Однако в плане правового регулирования ситуация обычно обратная, а определение «подрывные» имеет прямо противоположное значение – подрывать основы, следовательно, снижать потенциал и авторитет, эффективность и результативность деятельности. Применительно к правовому регулированию – это его вторичность по отношению к происходящим процессам, обеспечительная роль, рефлексия, а местами и временами откровенная агония как реакция на уже свершившийся факт. С учётом технократического пути развития человечества «свершившийся факт» – это не единичный случай, и даже не система. Это в целом бесконечный и постоянно ускоряющийся процесс появления (внедрения) новых технологий и, как следствие, непрерывная потребность в перестройке правового регулирования, включая постоянное расширение его пределов.

Неопределённость таких пределов становится все очевиднее, пугая своими вполне обоснованными предположениями относительно перспектив будущего развития, которые в последнее время всё чаще находят подтверждение. И здесь симбиоз всего: философии, социологии, политологии, экономики, антропологии, биологии, медицины, генетики и пр., где именно технологии реализации новых идей (включая и их чисто техническую сторону) занимают центральное место как единственные средства достижения поставленных целей. Без технологического императива ни одна из идей постмодерна (или любой из её вариантов) не способна разрушить уже сложившиеся общественные отношения, что становится возможным лишь при последующей фиксации уже свершившегося события в правовых предписаниях. Между тем современные технологии уже достигли того уровня, когда становится понятным, что цели могут быть любыми, если пределы в их достижении по сути стёрты. В связи с этим А. А. Федотов пишет: «Учитывая масштаб преобразований, нужно понимать, что идеи Клауса Шваба о Четвертой промышленной революции ставят весьма серьезные вопросы о том, каковы же будут её антропологические перспективы» [12]. С учётом достижений в медицине, геномной инженерии, а отсюда и фармацевтики вопрос об антропологических перспективах вполне логичен и актуален. «Современные технологии конструируют человека, проектируя возможное и желаемое человечество» [13, с. 175]. Как пишет

Д. В. Попов, «биополитика в качестве научного, рационально-технического и бюрократического управления биологической жизнью людей стала способом контроля, модификации, даже производства человека. Реализуя императив усиления государства, биополитика в своих радикальных формах организует жизнь как конвейер, на котором собирается человек» [14, с. 76]. Это евгеника, в её наиболее извращенном понимании, в реальности, в обыденной жизни. Уже и философы, опираясь на современные технологии, позволяющие конструировать человечество, открыто пишут: «Сегодня жизнь и смерть являются не собственно научными понятиями, но понятиями политическими, которые в силу своей политической природы приобретают точное значение лишь в результате специального решения» [15, с. 123]. При этом зарубежные специалисты в еще более жёсткой и циничной форме отмечают, что «мертвое тело тела генетического не ускользает, чтобы быть заменённым чистой симуляцией или абстрактной информацией; скорее генетическое тело учитывается на всех его (молекулярных) поверхностях, через технические практики биоинформационной науки, а также связи между телом и генетическим профилем» [16]. Если вдуматься в терминологию, которая используется в данной цитате, в те возможности, реальные или потенциальные, которые появились в результате разработанных технологий, становится ясно, что весь накопленный ранее опыт правового регулирования является ничтожным, совершенно неспособным обеспечить потребности тех императивов, которые сегодня нам предложены новыми технологиями. Более того, отражение антропологической идентичности уже в самом праве, развивающемся по пути секуляризации и находящемся под давлением формального разума, диктуемого в том числе и технологическими императивами, вполне обоснованно ставится под сомнения [6, с. 63].

При этом надо понимать, что не просто глобальность перестройки общества и тех отношений, которые считаются традиционными для человека (с теми или иными вариациями, в зависимости от региона проживания, национальности, вероисповедания и т. д.), но и сама постановка вопроса о сущности человека и её возможной трансформации, не менее глобально меняют и пределы правового регулирования. Их трансформация началась не сегодня, но процесс ускорения, когда очевидность изменений в заданном направлении стала почти кричащей, произошел именно в последние десять-пятнадцать лет. Данный тезис вполне проверяем на основе анализа нормативного материала, который проведён уже многократно большим количеством специалистов во всех отраслях права. Процесс практически неуправляемой истерики

³ Все они оказали серьёзное влияние и на сферу правового регулирования.

по данному поводу у юристов-правоведов, как у учёных, так и у практиков, также начался не сегодня. Что характерно, с уходом из жизни настоящего великих учёных, тех, кто стоял у истоков формирования советского законодательства, мыслящих системно, а не фрагментарно, создавших задел на многие десятилетия, не стало противовеса тем тенденциям, которые, в том числе и в силу ослабления противоположной позиции, стали сейчас уже нормой. Более того, прежний подход уже многими или большинством начинает восприниматься как атавизм, в то время как новые требования, предъявляемые к законодателю, возведены в ранг аксиомы, закономерно ускоряя процесс трансформации правового регулирования. В. Д. Зорькин пишет: «Однако мы видим, что право глобализации, казавшееся средством разрешения всех проблем современного общества, не только приводит к новым проблемам, прежде не виданным, но и расшатывает основы создаваемых веками национальных рубежей защиты от вызовов эпохи. А это приводит к мысли о том, что нельзя (т. е. очень опасно и опрометчиво) игнорировать конституционную идентичность разных государств, недооценивать разницу в культуре, ценностях, общественных укладах и т. д., пытаться брать отовсюду понравившиеся фрагменты, чтобы произвольным образом компоновать из них своего рода “правовые коллажи”» [18, с. 5]. В этом высказывании – по большому счету все тенденции современной трансформации правового регулирования общественных отношений, где технологический императив, с одной стороны, не более чем инструмент реализуемых геополитических процессов, а с другой – основа, благодаря которой такие процессы вообще становятся возможными.

Отсюда, и с учётом выбранного человечеством пути развития, неизбежность происходящего в сфере правового регулирования видится фатальной. В конечном итоге уже само право, а в особенности процесс его совершенствования, стали восприниматься тоже как некая тех-

нология, не более чем процедура, имеющая строго технический характер с собственным алгоритмом, когда появление предписания никак не связано с религиозным, духовным, ментальным, национальным, культурным (и прочим) состоянием общества. Строго обеспечительная, а не созидательная функция права стала основной, чутко реагируя на любые новые идеи, реализуемые в рамках технологических императивов. Голый разум, лишённый духовной основы, оказался во главе трансформации права и процесса регулирования общественных отношений. Стремительность внедрения в общество новых технологий делает соответствующие изменения в сфере правового регулирования ещё более интенсивными, многократно увеличивая как объём законодательного материала, так и количество ошибок в его содержании. В погоне за соответствием происходящим процессам, в стремлении их хоть как-то упорядочить, в своём совершенно искреннем желании оградить общество от неправомерных средств и их последствий, связанных с появлением новых технологий, законодатель вынужден принимать быстрые и далеко не всегда верные решения. Объективно право в таком режиме не способно сохранять, а тем более развивать те базовые ценности, о которых было написано выше и которые всегда составляли его основу. Склонность общества к вере в достаточно абстрактную пользу от новых технологий, которая строится на восхищении и ожидании, что новое всегда лучше, дешевле или доступнее⁴, для правового регулирования представляет лишь проблему, когда реагировать необходимо не только на уже свершившийся факт, но и на ожидание, и даже эмоции.

⁴ Технологический императив – стремление использовать технологию, которая потенциально может принести пользу, но либо небольшую, либо неподтвержденную. Эта склонность основывается на восхищении, ожидании, что новое всегда лучше, и на финансовых или других профессиональных мотивах [Электронный ресурс] // Глоссарий ОТЗ : сайт. – URL: <http://htaglossary.net> (дата обращения: 31.12.2022).

Список литературы

1. Клаус Ш. Четвертая промышленная революция. – Москва: Издательство Эксмо, 2022. – 208 с.
2. Мануков С. 4-я промышленная революция в Давосе [Электронный ресурс] // Эксперт : сайт. – URL: <https://expert.ru/2016/01/21/chetvertaya-promyishlennaya-revolutsiya/> (дата обращения: 31.12.2022).
3. Гуторович О. В. Четвертая промышленная революция и её возможные последствия // Дискурс. – 2018. – № 6. – С. 11–17.
4. Подлазов А. В. Технологический императив как основа теории глобального демографического процесса. – Москва: ИПМ им. М. В. Келдыша РАН, 2015. – 32 с.
5. Голик Ю. В., Коробеев А. И. Реформа уголовного законодательства: быть или не быть? // Новый Уголовный кодекс России: концептуальные основы и теоретическая модель : заочный круглый стол. – 2014. – № 12. – Т. ХСVII. – С. 1399–1401.
6. Красиков В. И. Разум, право и религия в антропологическом и глобалистическом аспектах // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2010. – № 2. – С. 62–65.
7. Зиновьев А. А. Глобальный человекоуниверсум. – Москва: Эксмо, 2003. – 448 с.

8. *Солл Дж. Р.* Ублюдки Вольтера, или Диктатура разума на Западе / пер. с англ. А. Н. Сайдашева. – Москва: АСТ : Астрель, 2006. – 895 с.
9. *Бавсун М. В., Попов Д. В.* Метамоде́рн в праве: осцилляция в точке Канетти. Статья II. Право на задворках духовности // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2019. – № 1. – С. 53–62.
10. *Спартак А. Н.* Экономические, внешнеторговые и глобализационные аспекты четвертой промышленной революции // Российский внешнеэкономический вестник. – 2018. – № 6. – С. 7–23.
11. *Гилинский Я. И.* Девиантность и социальный контроль в мире постмодерна : краткий очерк // Общество и человек. – 2015. – № 3–4. – С. 89–99.
12. *Федотов А. А.* Антропологические перспективы в свете идей Клауса Шваба о Четвертой промышленной революции [Электронный ресурс] // Богослов.ru : богословский научный портал. – URL: <https://bogoslov.ru/article/5868591> (дата обращения: 31.12.2022).
13. *Попова О. В.* Тело как территория технологий. От социальной инженерии к этике биотехнологического конструирования. – Москва: Канон +, 2021. – 336 с.
14. *Попов Д. В.* Биовласть и жизнь: философско-антропологические основания, потенциал и перспективы биополитики. – Омск: Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2021. – 144 с.
15. *Агамбен Дж.* Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь. – Москва: Европа, 2011. – 250 с.
16. *Tacker E.* Database/Body: Bioinformatics, Biopolitics, and Totally Connected Media Systems [Электронный ресурс] // #Switch : сайт. – URL: <http://switch.sjsu.edu/web/v5n3/E-1.html> (дата обращения: 31.12.2022).
17. *Бодрийар Ж.* Совершенное преступление / заговор искусства. – Москва: Рипол-Классик, 2020. – 250 с.
18. *Зорькин В. Д.* Право метамодерна: постановка проблемы // Журнал конституционного правосудия. – 2019. – № 4. – С. 1–8.

References

1. *Klaus Sh.* Chetvertaya promyshlennaya revolyutsiya. – Moskva: Izdatel'stvo Eksmo, 2022. – 208 s.
2. *Manukov S.* 4-ya promyshlennaya revolyutsiya v Davose [Elektronnyy resurs] // Ekspert: sayt. – URL: <https://expert.ru/2016/01/21/chetvertaya-promyshlennaya-revoljutsiya/> (data obrashcheniya: 31.12.2022).
3. *Gutorovich O. V.* Chetvertaya promyshlennaya revolyutsiya i yeyo vozmozhnyye posledstviya // Diskurs. – 2018. – № 6. – S. 11–17.
4. *Podlazov A. V.* Tekhnologicheskij imperativ kak osnova teorii global'nogo demograficheskogo protsessa. – Moskva: IPM im. M. V. Keldysha RAN, 2015. – 32 s.
5. *Golik Yu. V., Korobeyev A. I.* Reforma ugolovnogogo zakonodatel'stva: byt' ili ne byt'? // Zaochnyy kruglyy stol «Novyy Ugolovnyy kodeks Rossii: kontseptual'nyye osnovy i teoreticheskaya model'». – 2014. – № 12. – T. XCVII. – S. 1399–1401.
6. *Krasikov V. I.* Razum, pravo i religiya v antropologicheskom i globalisticheskom aspektakh // Nauchnyy vestnik Omskoy akademii MVD Rossii. – 2010. – № 2. – S. 62–65.
7. *Zinov'ev A. A.* Global'nyy chelovekoveynik. – Moskva: Eksmo, 2003. – 448 s.
8. *Soll Dzh. R.* Ublyudki Vol'tera, ili Diktatura razuma na Zapade // per. s angl. A. N. Saydasheva. – Moskva: AST : Astrel', 2006. – 895 s.
9. *Bavsun M. V., Popov D. V.* Metamodern v prave: ostsillyatsiya v tochke Kanetti. Stat'ya II. Pravo na zadvorkakh dukhovnosti // Nauchnyy vestnik Omskoy akademii MVD Rossii. – 2019. – № 1. – S. 53–62.
10. *Spartak A. N.* Ekonomicheskkiye, vneshnetorgovyye i globalizatsionnyye aspekty chetvertoy promyshlennoy revolyutsii // Rossiyskiy vneshneekonomicheskij vestnik. – 2018. – № 6. – S. 7–23.
11. *Gilinskiy Ya. I.* Deviantnost' i sotsial'nyy kontrol' v mire postmoderna: kratkiy ocherk // Obshchestvo i chelovek. – 2015. – № 3–4. – S. 89–99.
12. *Fedotov A. A.* Antropologicheskkiye perspektivy v svete idey Klavusa Shvaba o Chetvertoy promyshlennoy revolyutsii [Elektronnyy resurs] // Bogoslov.ru : bogoslovskiy nauchnyy portal. – URL: <https://bogoslov.ru/article/5868591> (data obrashcheniya: 31.12.2022).
13. *Popova O. V.* Telo kak territoriya tekhnologiy. Ot sotsial'noy inzhenerii k etike biotekhnologicheskogo konstruirovaniya. – Moskva: Kanon +, 2021. – 336 s.
14. *Popov D. V.* Biovlast' i zhizn': filosofsko-antropologicheskkiye osnovaniya, potentsial i perspektivy biopolitiki. – Omsk: Omskaya akademiya Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii, 2021. – 144 s.
15. *Agamben Dzh.* Homo sacer. Suverennaya vlast' i golaya zhizn'. – Moskva: Yevropa, 2011. – 250 s.
16. *Tacker Eugene* Database/Body: Bioinformatics, Biopolitics, and Totally Connected Media Systems [Elektronnyy resurs] // #Switch: sayt. – URL: <http://switch.sjsu.edu/web/v5n3/E-1.html> (data obrashcheniya: 31.12.2022).
17. *Bodriyar Zh.* Sovershennoye prestupleniye / zagovor iskusstva. – Moskva: Riplol-Klassik, 2020. – 250 s.

18. *Zor'kin V. D. Pravo metamoderna: postanovka problemy // Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya. – 2019. – № 4. – S. 1–8.*

Статья поступила в редакцию 09.01.2023; одобрена после рецензирования 15.02.2023; принята к публикации 15.03.2023.

The article was submitted January 9, 2023; approved after reviewing February 15, 2023; accepted for publication March 15, 2023.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.